

Это барский дом, и я в нем губернатором.
Я один, я спать уснул ученика.

Отметим лексическое совпадение: дом Фрестельнов в «Повести», как и в тексте стихотворения, назван «особняком» — главы II и III. В I главе пунктиром, в воспоминаниях сестры героя, проходит сюжетная линия Сергей — Ольга, говорится о пережитой любовной драме: «По родне она узнала, что у Сережи что-то такое поделалось <...> В братниной истории имелись и свободная любовь, и яркая коллизия с житейскими цепями брака, и право сильного, здорового чувства и, бог ты мой, чуть ли не весь Леонид Андреев» [1, с. 144—145]. В IV главе Сергей Спекторский, один в особняке (ср. совпадение жестов героя в ремарках, вводящих прямую речь: «Он раздернул среднюю занавеску и затынул крайнюю» [1, с. 176] — «Никого не ждут. Но — наглухо портьеру»), вспоминает о внезапно оборвавшемся романе с Марией Ильиной: «Он страдал от этих холодных образов, как от урагана праздной духовности, как от потока просвещенного пустословья <...>. Ну, и — с провалом. Благодарствуйте, и вас так же. Ерундили, ерундили, а другой подоспел и следов не найти. Ну, и дай ему бог здоровья, не знаю и знать не хочу. Ну, и без вести, и бесследно. Ну, и допустим. Ну, и прекрасно» [1, с. 174].

Помимо совпадения сюжетной ситуации и хронотопа обращают на себя внимание переключки отдельных мотивов: «и следов не найти» «и бесследно» — «кто навел на след?»; «не знаю и знать не хочу» — «милостью ее теперь мне дела нет». Примечательно, что в «Повести» эта сцена начинается с мотива отчуждения памяти: «Опять мысли, вызванные воспоминанием, понеслись лихорадочно-машинальной чередой, до него не имевшей отношения» [1, с. 173] (ср.: «Память! Не ершишь! Срастись со мной!..»).

Но и в этом случае сюжеты стихотворения, прозаических произведений и романа в стихах не совпадают, выстраиваются по собственным внутренним законам. Как выстраивается семантическая композиция стихотворения?

Первая строфа — взгляд на мир «с высоты птичьего полета» («дома, лежащие вповал»), почти космическая обобщенность («на земле зима»). Мир первой строфы субъективно безличен: полностью господствуют безличные синтаксические конструкции: «не поправить дня», «не поднять теням».

Во второй строфе взгляд постепенно «укрупняет план»; в первых двух строках появляются предметы, увиденные все еще сверху, но уже детально: «Булки фонарей, и пышки крыш, и черным / По белу в снегу косяк особняка». Наконец, происходит «узнавание» предметной реальности стихотворения, и одновременно появляется лирический субъект — герой стихотворения: «Это — барский дом, и я в нем губернатором». Пока это автоописание героя идет как бы со стороны: на самого себя он смотрит как внешний наблюдатель. Так же начинается и третья строфа: «Никого не ждут. Но — наглухо портьеру. / Тротуар в буграх. Крыльцо занесено», — как бы взгляд уже из окна, закрываемого портьерой. Однако вторая половина третьей и вся четвертая строфа полностью интериоризируют мир стихотворения: это — мгновенно схваченный фрагмент внутренней речи героя. Впечатление неподготовленности и фрагментарности создается особой ролью действующих местоимений «тот», «тем» и т. д. Они явно отсылают к прошедшим событиям, к какому-то будто бы существующему сюжетному контексту стихотворения, каждое из них обращено к непроясненной (и так и не прояснившейся в тексте) ситуации: «Но я не тем взволнован» (чем — «тем?»), «тот удар», «до остального». Стремительно доводя стихотворение до предельно интериоризированной ситуации (внутренняя речь, обращенная к внутреннему же миру воспоминаний героя, без всякой попытки что-либо «объяснить» читателю), поэт в последней строфе еще стремительнее совершает обратное движение — вовне, и вновь — до «панорамного» взгляда с высоты «птичьего полета», причем некоторые детали, уви-